

Ирина Алексеева

Андре Вюрмсер

Калейдоскоп, 1970

«Нам конец, – сказал английский рыцарь...»

– Нам конец, – сказал английский рыцарь, – мы сожгли святую.

– О нет, напротив, – резко возразил епископ Бове, – мы сожгли святую только в том случае, если мы потерпим поражение в войне. Буде Генрих возьмет верх, а Карл вновь станет удельным князьком, чьи владения не простираются дальше Орлеана, Божанси и прочая, как поется в известной песенке¹, эта пастушка сгинет вместе с теми помешанными, кто в прежние года пытались выбить нас за пределы Франции: ведь разве не было доказано, что ее голоса идут не от Бога? Если же, наоборот, победит Карл, история и Церковь, шествующая с ней рука об руку, заклеят нас как приспешников Сатаны, поскольку всё будет выглядеть так, как если бы архангел Михаил, святая Екатерина и святая Маргарита действительно сподвигли это невинное дитя на ратный подвиг.

– Но, Монсеньор, я видел, как из уст ее вылетела белая голубица!

– Ну что ж, в этом случае, она будет святой. Не то чтобы я верил во всех этих крылатых созданий, что томятся до времени во рту умирающих дев, но, если бы одной из бабок Жанны взбрело в голову идти воевать противу короля Эдуарда, ваши предки сожгли бы ее заживо, и даже дюжина голубей не сумела бы поколебать их веру завоевателей, веру победителей. Но ваши солдаты утомлены и не хотят больше плыть на чужбину; они принимают девичьи грезы за небесные знамения, и вы сами, милорд, заражаетесь их сомнениями. Вот откуда на Жанну снизойдет ее святость!

– Но, Монсеньор, ведь ее осудили как еретичку, поклоняющуюся дьяволу?

– Ее осудили люди, и приговор их был вынесен в интересах сильнейшего, как выносятся любой приговор. Если мы совершили это по наущению Лукавого, значит дело сатанинское вершит наш король и повелитель. Должен ли я передать ему этот разговор?

– Упаси Боже, Монсеньор, Вам как священнику, я дове...

– Мой долг сообщать монарху о любом акте неповиновения, как в поступках, так и в мыслях. Не забывайте: я следую совсем иным принципам, нежели эта девица. Жанна служила Карлу не потому, что он был королем, по каковой причине служил Генриху я, но ради того, чтобы Карл им стал, ради того, что она в простоте душевной называла «правым

делом». Власть придерживающиеся руководствуются совершенно иными резонами. По завершении этой бесконечной войны самые верные сторонники побежденного будут не просто прощены победителем, но будут приняты им в круг своих сторонников. Если потребуется, моя длительная верность королю Англии, станет для короля Франции, как только победа узаконит его притязания, залогом моей будущей верности ему. Долг и обязанность высокопоставленных вельмож, милорд, обеспечивать непрерывность королевской власти, сотрудничая с тем, — вы слышите меня? — чье чело осеняет монарший венец. Поэтому мы бесменно стоим у изножья трона, в прошлом — Филиппа, который был побежден, в будущем — Карла, который, возможно, победит, в настоящем — у трона ваших королей, поскольку правят они.

– Но разве Господь не узнаёт своих?

– Он их узнаёт по тому, что они одержали верх. Удалитесь же теперь, я буду писать королю в Лондон. Ступайте с миром, мессир: ваши нелепые измышления о святой и голубице будут доведены до его сведения, но имя ваше из милосердия не будет названо.

– Благослови Вас Господь, Монсеньор епископ!

¹ имеется в виду французская народная песенка, в которой перечисляются владения дофина Карла, будущего Карла VII, на 1420 год:

Aujourd'hui, que reste-t-il
À ce Dauphin si gentil
De tout son beau royaume ?
Orléans, Beaugency,
Notre-Dame de Cléry,
Vendôme,
Vendôme.

Чем владеет сейчас
Карл-дофин любезный наш
Из всего своего прекрасного королевства?
Орлеан, Божанси,
Нотр-Дам де Клери,
Вандом,
Вандом.